Англо-американская политология о проблеме доверия в межгосударственных отношениях

Е.Ю. Неупокоева

В научной литературе доверие рассматривается как философская категория; как социальное явление; как явление и фактор межличностных, межгрупповых, а также политических, международных и межгосударственных отношений. Цель статьи — обзор теоретических и методологических подходов англо-американской политической мысли к проблеме доверия в межгосударственных отношениях.

Впервые вопрос доверия приобрёл общественно-политическую актуальность в условиях специфических представлений об обществе, существовавших в Великобритании. Они были обусловлены унаследованной от римского права прецедентной правовой системой, существованием жёсткой монархической системы и очень ранним созданием Великой Хартии Вольностей (1215 г.), которая установила общие принципы взаимоотношений между королём и дворянами. На ранних этапах развития британского общества проблема доверия в полной мере не осознавалась. Но уже в английской философии XVII – XVIII веков она была поставлена как социальная проблема в контексте общественного договора. Набиравший силу процесс секуляризации британского общества того времени потребовал рациональных обоснований политической власти. В контексте указанных социально-исторических условий проблемное поле доверия составили вопросы о том, когда и при каких условиях власть и общество могут доверять друг другу.

Доверие стало предметом специального анализа в трудах английских философов XVII – XVIII вв. Томаса Гоббса и Джона Локка. Первый из них утверждал: «При

установлении государства каждый отдельный человек является доверителем в отношении всего, что суверен делает»¹. «Для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначали одного человека (или собрание людей), который явился бы их представителем; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица»² — писал он далее.

Согласно Джону Локку, доверие в обществе основывается на «неоспоримом свидетельстве и опыте»³, то есть имеет когнитивную основу. «В тех случаях, когда государю оказано доверие, и он не подвластен простым обычным установлениям законов, — считал этот мыслитель, — и если какие-либо люди оказываются потерпевшими и считают, что государь действует вопреки оказанному ему доверию или превышает его, то кто же еще является более подходящим судьей, чем народ в целом (который первоначально оказал ему это доверие), чтобы судить о том, насколько далеко оно, по мнению народа, должно было простирается?»⁴.

Неупокоева Елена Юрьевна — аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России; e-mail: elenaneupokoeva1986@rambler.ru

Философская постановка проблемы доверия, когда оно рассматривается на уровне взаимоотношения власти и общества, предопределила известную заданность мышления в дальнейших представлениях о проблеме доверия в англо-американской политической теории. На протяжении двух веков эта философская постановка проблемы доверия оставалась достаточной для науки и политической практики. По вопросу о доверии не появлялось принципиально новых идей, отношение к нему не претерпевало никаких изменений.

В середине 1960-х годов, в связи с активным развитием демократических политических процессов, на первый план в англо-американской политической теории выступила постановка вопросов о причинах усиления или ослабления доверия в отношениях между властью и обществом, а также о роли доверия в развитии политической культуры. При этом доверие в англо-американской политической теории воспринималось как характеристика общей социальной и политической культуры. Тем не менее, в социально-культурных⁵ подходах доверие продолжало пониматься преимущественно интуитивно, и вопрос о выработке научно обоснованной самостоятельной категории доверия не ставился.

Во второй половине 1980-х годов, в связи с активным ростом численности государственных институтов, усложнением структуры и механизмов их функционирования, а также развитием негосударственных организаций, исследователями политической теории был поставлен вопрос о том, какими институтами общества и при каких условиях возможно поддержание доверия. Поставив в таком ключе проблему доверия, англо-американская политическая теория никак её не решила. В ставших актуальными институциональных подходах⁶ доверие продолжало пониматься преимущественно интуитивно, и вопрос о выработке научно обоснованной самостоятельной категории доверия также не ставился. Более того, не было выработано никаких рекомендаций по обеспечению и поддержанию доверия, как не было разработано и понимание связи категорий доверия и недоверия.

В 1990-х годах на стыке политической науки и социологии была впервые предпринята попытка научного осмысления *понятия* доверия и выявления его характеристик. Были поставлены вопросы о необходимости выявления соотношения и разграничения понимания категорий доверия и доверительных отношений⁷. На повестку дня встали вопросы о:

- роли поведения доверяющего и доверяемого в создании, поддержании, развитии или разрушении доверительных отношений⁸;
- совместимости эгоистичных интересов индивидов и социальных групп с заслуживающим либо не заслуживающим доверия поведением⁹.

В фокусе внимания оказались вопросы соотношения категорий риска и доверия, доверия и обязательств, учёта возможностей и прогнозирования последствий

просчётов в доверии¹⁰. В поиске ответов на поставленные вопросы, исследователи пришли к выводу о том, что не существует единого определения доверия, которое явилось бы исчерпывающим и абсолютным пределом для исследований. Тем не менее, среди исследователей существует принципиальное согласие по поводу того, какие элементы должны подразумеваться или быть включены в любое его определение¹¹:

1. Доверие включает готовность в отношениях поставить судьбу интересов одного актора под контроль других, основанное на убеждении, которому присуща некоторая неопределённость, что потенциальные доверяемые будут избегать использования предоставленной им свободы действий, чтобы нанести вред интересам доверяющих (см. А. Байер¹², Дж. Брэнкерт¹³, Д. Гамбретта¹⁴, Т. Гувер¹⁵, Дж. Колеман¹⁶, Д. Ларсон¹⁷, Н. Луман¹⁸, Р. Хардин¹⁹);
2. Доверительные отношения представляют собой выражение доверия в поведении. Доверие как отношение к кому-либо как таковое само по себе не является достаточной причиной для возникновения доверительных отношений. Они развиваются, когда акторы предоставляют другим свободу действий касательно сферы их собственных интересов, основанную на убеждении, что этим интересам не будет причинен вред (см. Снайдерс²⁰);
3. Интенсивность и масштабы доверия и доверительных отношений способны варьироваться. Интенсивность доверия выражается силой восприятия акторами надёжности контрагентов. Интенсивность доверительных отношений выражается количеством свободы действий, которую доверяющие предоставляют доверяемым касательно своих интересов. При этом, протяжённость вариации доверия и доверительных отношений является спорной. Всегда существуют пределы доверия и доверительных отношений, но не всегда эти пределы являются очевидными (см. Дж. Колеман²¹, Р. Патнэм²², Ф. Фукуяма²³, Р. Хардин²⁴). Необходимо отметить, что наибольшей методологической проблемой остается выработка критериев для измерения и оценки интенсивности и динамики доверия и доверительных отношений. Силу восприятия акторами надёжности контрагентов, ввиду его когнитивной природы, не представляется возможным взвесить в неких единицах, подобных физическим величинам, также, как и абстрактное количество свободы действий, которую доверяющие предоставляют доверяемым касательно своих интересов. Измерение данного количества в абстрактных единицах и коэффициентах и чисто количественный подсчёт не позволили бы принять во внимание значимость того или иного конкретного шага в построении доверительных межгосударственных отношений.

4. Доверие включает прогноз поведения контрагентов. Ряд исследователей международной политики предполагают, что доверительные межгосударственные отношения возникают, когда потенциальный доверяющий наделяет, а потенциальный доверяемый принимает на себя ответственность за определённые результаты (см. У. Бианко²⁵, Э. Кидд²⁶, З. Маоц и Д. Фелсенхал²⁷);
5. При вверении своих интересов другим, акторам присуща оценка рисков с использованием субъективных оценок вероятности соблюдения доверяемым интересов доверяющего. Однако всегда существует вероятность просчётов, искажённого восприятия, манипуляций. Акторы, вверяющие свои интересы другим, тем самым увеличивают для себя уровень риска (см. Д. Снидэл²⁸, Р. Хардин²⁹, А. Штайн³⁰);
6. Проблема доверия зависит от контекста, в котором происходит взаимодействие доверяющего и доверяемого³¹.

Соотношение эмоционального и рационального начал в категории доверия мало исследовано в научной литературе и практически не исследовано применительно к военно-политической проблематике в межгосударственных отношениях. Конфликт этих двух начал в политике реален и может как осознаваться, так и не осознаваться его участниками. Проявление такого конфликта в политике способно носить разнообразный характер: от поиска точек соприкосновения при решении проблем в трудных или конфликтных ситуациях, до спекуляций на доверии и оправдании сторонами проводимой ими политики.

Таким образом, политическая наука и социология значительно расширили повестку рассмотрения понимания доверия. Впервые в структуре понимания доверия стала преобладать когнитивная составляющая. Тем не менее, проведённая политологами попытка концептуализации и выработки научно обоснованной, самостоятельной категории доверия, оставила без внимания понимание взаимосвязей явления и категорий доверия и недоверия.

Несмотря на то, что приведённые определения и характеристики доверия в философии, политической теории и социологии не являются исчерпывающими для данной категории, они, тем не менее, проливают свет на основные направления, по которым велись исследования столь многогранного понятия и явления жизни человека и социума. Разработанные в рамках политической теории и социологии социально-культурные³² и институциональные³³ подходы к проблеме доверия были привнесены в теорию международных отношений для исследования вопросов доверия применительно к военно-политической проблематике в межгосударственных отношениях³⁴.

Теоретическое рассмотрение практических проблем создания поддержания и разрушения доверия и доверительных межгосударственных отношений включает работы по исследованию вопросов

доверия между государствами, не вовлечёнными и не вовлекавшимися в прямые вооружённые конфликты, испытывающими, однако, острые идеологические и геополитические противоречия при столкновении интересов в борьбе за доминирование на мировой арене. В частности, исследования военно-политических аспектов противостояния Советского Союза и США в период «холодной войны», проводимые, как в период «холодной войны»³⁵, так и после её завершения³⁶.

Важно отметить, что одним из центральных аспектов понимания категории доверия, в том числе применительно к межгосударственным военно-политическим отношениям, является осмысление категории недоверия, а также осознание связи категорий доверия/недоверия. Часто интуитивное понимание категории доверия влечёт за собой и чисто интуитивное восприятие недоверия, и наоборот.

Наличие в межгосударственном взаимодействии более широкой категории — *взаимной предсказуемости поведения в отношениях между акторами*, где доверие, как и недоверие между государствами выступает в качестве одного из основных факторов данной предсказуемости, помогает снять противоречие в связке доверие/недоверие. Осознание того факта, что определённое и предсказуемое недоверие в отношении контрагента, либо сторонами в отношении друг друга, во многом способствует увеличению степени взаимной предсказуемости поведения в отношениях между контрагентами, приводит к пониманию доверия в отрицательном ключе, то есть, основанном на предсказуемости поведения противоположной стороны.

Вопрос доверия/недоверия являлся одним из центральных в русле ядерного сдерживания. Школа политического реализма в теории международных отношений создала политическую и интеллектуальную основу для концептуального формирования американской политики в области безопасности. Теорию и стратегию сдерживания в годы «холодной войны» развивали Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, Г. Моргентау, Дж. Снайдер³⁷, А. Джордж и Р. Смоук³⁸, К. Волц, Т. Шеллинг³⁹.

С 1970-х годов в англо-американской теории международных отношений появилось множество работ в сфере политической аналитики и публицистики, а также работ по истории «холодной войны» касательно вопросов обоснования и проведения политики сдерживания. Ярким примером дискуссий в американском научном сообществе являлся спор между «традиционалистами»⁴⁰ и «ревизионистами»⁴¹ по вопросу о роли недоверия в возникновении «холодной войны». Необходимо отметить, что работы авторов носили преимущественно ретроспективный характер, а само понятие недоверия не было ими определено. В теории международных отношений, как и в предшествовавших политологических и социологических исследованиях, не было проведено разграничение категорий доверия и недоверия. Понимание взаимосвязи явлений и категорий, как доверия, так и недоверия в межгосударственных отношениях продолжало оставаться преимущественно интуитивным.

Проблема доверия/недоверия в межгосударственных отношениях, осложнённая и дополненная проблемой осмысления перспектив и последствий гонки ядерных вооружений и осознанием необходимости выработки сдерживающих механизмов этой гонки, привела к возникновению интереса англо-американских исследователей к «дилемме безопасности». Роль дилеммы ядерной безопасности в международных отношениях стала объясняться сквозь призму данной концепции⁴².

В 80–90-х годах XX века уже авторы «постревизионистского» направления⁴³, продолжая размышлять о роли недоверия, приходят к выводу о том, что если бы две стороны могли доверять друг другу, конфликтов удалось бы избежать. Американский автор Дебора Ларсон, затрагивая такое условие возникновения доверия в межгосударственных отношениях, как *психологическая готовность сторон к доверию*, полагает, что государства часто упускают возможность сотрудничества, даже имея схожие предпочтения, поскольку политические лидеры и принимающие решения лица зачастую делают некорректные выводы и заявления о мотивах и намерениях своих оппонентов.

Одним из важнейших показателей доверия в межгосударственных отношениях, согласно Д. Ларсон⁴⁴, является исполнение государствами своих международных обязательств и выполнение условий соглашений. Чем большую значимость стороны, заключившие договор, придают тому или иному соглашению, тем большее воздействие на межгосударственное доверие оказывает внимательное выполнение данного соглашения. И наоборот, невыполнение соглашения, его нарушение, а также поиски путей выхода из него или обхода его условий будут являться основаниями для межгосударственного недоверия, а также будут служить показателями наличия недоверия и степени его остроты при исследовании вопросов доверия/недоверия в межгосударственном взаимодействии.

Ещё один американский автор, Э. Кидд, определяет доверие как убеждённость в том, что противоположная сторона является надёжной, то есть готовой отвечать взаимностью на сотрудничество и не стремиться злоупотреблять им, а недоверие как убеждённость в ненадёжности противоположной стороны и её стремлении к злоупотреблению сотрудничеством⁴⁵.

Вопрос о доверии возник у англо-американских исследователей в русле принятой именно в их политической культуре парадигмы мышления. Она, в свою очередь, оказала влияние на рассмотрение вопросов межгосударственных отношений сквозь призму доверия. Подобно тому, как власть и общество внутри одного социума воспринимались как явления одного социально-культурного порядка⁴⁶, данная модель взаимоотношений была интуитивно перенесена исследователями на объяснение советско-американских отношений, что привело к ряду ошибочных выводов

и интерпретаций, а также игнорированию реального положения дел и стагнации развития исследований категории доверия на данном направлении⁴⁷.

Несмотря на то, что постревизионисты отчасти способствовали популяризации категории доверия в межгосударственных отношениях и акцентированию на ней внимания международной научной и политической общественности, им также не удалось существенно продвинуться в развитии непосредственно этой категории с научной точки зрения. Не было предложено ответов на вопросы: что такое доверие и недоверие в отношениях между государствами? Кто выступает субъектом (субъектами) доверия в межгосударственных отношениях? Кто его носители?

Основная проблема англо-американских исследователей состоит в том, что вопрос доверия в межгосударственных отношениях рассматривается ими, как правило, абстрагировано и даже идеализировано, то есть, в отрыве от контекста реальных ситуаций практического взаимодействия по конкретным проблемам на определённых этапах. Согласно логике рассуждений Д. Ларсон, Э. Кидда, Р. Хардина⁴⁸, если стороны не желают слушать и слышать друг друга, то нет основания говорить о возможности возникновения доверия в их отношениях. Даже при наличии формального взаимодействия и контакта между ними (например, в силу необходимости совместно решать те или иные вопросы и вести переговоры), если стороны не способны проявить минимальное доверие друг другу, или вызвать его у противоположной стороны, то доверительные отношения между ними не могут возникнуть, и, тем более, развиваться.

Тем не менее, как показывает практика межгосударственного взаимодействия, возможно достижение доверия в частных случаях и вопросах при решении общих проблем государствами, не имеющими практических или идеологических оснований для доверия друг другу и полной уверенности в надёжности контрагента. Такое доверие, при своём дальнейшем развитии и при наличии политической воли сторон, может быть распространено на другие сферы отношений.

Данный факт может быть объясним наличием в межгосударственном взаимодействии более широкой категории, а именно, наличием *взаимной предсказуемости поведения в отношениях между акторами*, где доверие, как и недоверие между государствами выступает в качестве одного из основных факторов данной предсказуемости. Но как раз взаимная предсказуемость поведения сторон и не принимается во внимание англо-американскими исследователями, из-за чего возникают противоречия между развиваемой ими теорией и эмпирическими данными практического взаимодействия государств в реальной жизни.

В целом, исследования, связанные с вопросами построения и поддержания доверительных отношений между соперничающими государствами на переговорах при заключении тех или иных соглашений в области сотрудничества и безопасности, достаточно

многочисленны. Многие из этих вопросов остаются актуальными уже в современном мире. После завершения «холодной войны», в теории международных отношений формируется ещё несколько подходов к рассмотрению проблемы доверия как самостоятельной категории международных отношений. Вопрос доверия в международных отношениях стал рассматриваться в русле методов анализа мирных отношений и изменений.

Данные методы использовались для выявления роли ценностного аспекта при построении межгосударственного взаимодействия в области безопасности, а также, исследованиях совместимости ценностного аспекта различных государств на зрелых стадиях создания интегрированных сообществ безопасности государств (Е. Адлер и М. Барнетт⁴⁹). В 1999 году А. Вендт⁵⁰ предпринял попытку рассмотреть доверие на стыке социологических, политологических и мирополитических методов исследования. Были поставлены вопросы влияния доверия на процессы формирования коллективной идентичности. Однако работы этих исследователей способствовали не столько развитию и уточнению категории доверия в международных и межгосударственных отношениях, сколько расширению интереса к данной категории, и её применению к анализу современных политических проблем и процессов международных отношений.

В начале 2000-х годов, на базе развития теории конфликта и расширении научного внимания к вопросам постконфликтного урегулирования, была поднята проблема исследования вопросов построения доверия между сторонами вооружённого конфликта и в процессе постконфликтного урегулирования. Герберт С. Келман⁵¹ представил подход к постепенному построению доверия между врагами, которые, даже будучи заинтересованы в создании мира, опасаются распространять доверие друг на друга, дабы не подвергнуть, тем самым, опасности своё собственное существование. Попытки разрешить конфликт сталкиваются с основным противоречием: без некоторой степени взаимного доверия стороны не могут вовлечься в мирный процесс, однако, не будучи вовлечены в мирный процесс, они не могут построить доверие.

Г. Келман рассматривает способы, которыми данное противоречие могло бы быть снято в рамках подхода, носящего название *интерактивное решение проблемы*. Этот подход представляет собой форму неофициальной дипломатии, включающую следующие элементы:

1. взгляд на продвижение к миру, как на процесс успешных постепенных приближений, в которых уровень принимаемых на себя с обеих сторон обязательств постепенно увеличивается параллельно с уровнем восстановления доверия;
2. важная роль третьей стороны как гаранта доверия, особенно на ранних стадиях процесса;
3. сосредоточение на «рабочем доверии» и убеждение в том, что серьёзность противоположной

стороны основана на её собственных интересах в отношении продвижения мирного процесса, (нежели межличностном доверии, основанном на доброй воле);

4. развитие систематического процесса регулярных обоюдных заверений, основанных на ответственности и взаимности⁵².

Подход Г. Келмана сосредотачивает внимание на решении вопроса: как сторонам конфликта удаётся преодолевать недоверие друг к другу и строить мирный процесс на основе доверительных отношений без ущерба для своих интересов, минимизируя угрозу злоупотребления открытыми шагами со стороны контрагента. Развитие взаимного доверия является существенным при попытках разрешить конфликт и преобразовать отношения между врагами в отношения стабильного мира и сотрудничества. Однако, в отношениях между противниками, данностью является именно взаимное недоверие: обе стороны верят (обычно опираясь на долгую предысторию сопутствующих обстоятельств), что все усилия противоположной стороны направлены на пренебрежение в отношении их потребностей, подрыв их благополучия и причинение им вреда⁵³.

Расширение проблематики построения минимальных базовых основ доверия вывело на передний план внимание к проблеме эффективности существующих международных политико-правовых институтов и их роли в деле налаживания доверительных отношений⁵⁴.

При рассмотрении институционального подхода необходимо помнить, что в англо-американской политической мысли под политическим институтом понимается определённая организация деятельности и отношений в сфере политики, воплощающая общественные нормы и правила поведения людей⁵⁵.

Развиваемый А. Хоффманом институциональный подход, предполагает создание новых институтов, способных снизить издержки, которые могут возникнуть, если одна из сторон воспользуется преимуществом уязвимости другой. Согласно Хоффману, новые институты являются жизненно важными, поскольку доверительные отношения могут возникнуть только тогда, когда нейтрализованы последствия возможных злоупотреблений ими, что, в свою очередь, требует трансформации отношений между сторонами, осуществляющими руководство этими институтами.

Природа создаваемых акторами институциональных соглашений также является определяющей. Следуя формулировке, предложенной Робертом Патнемом⁵⁶ о формулировании институционального взаимодействия на двух уровнях, Хоффман предполагает, что два типа институтов нуждаются в сокращении издержек, которые могут возникнуть вследствие возможного риска.

Первый тип институтов необходим, чтобы наделить каждую из сторон «эффективным голосом», таким образом, чтобы они могли участвовать в выработке и оказывать влияние на принятие коллективных решений⁵⁷.

Второй тип институтов необходим, чтобы предоставить лидерам «свободу манёвра», чтобы защитить их от внутреннего политического давления, возникающего вследствие обязательств, принимаемых на международном уровне. Хоффман полагает, что в каждом конкретном случае способность и неспособность эффективно формировать и проводить в жизнь эти, так называемые институты «двойной направленности», предопределяет поворотный пункт в появлении доверительных отношений и трансформации конфликта между сторонами⁵⁸.

Хоффман не преувеличивает значимость институционального подхода в познании феномена доверия в международной среде. Обобщённому выводу о том, что институты «двойной направленности» являются необходимыми и достаточными для создания доверия между конфликтующими сторонами, по мнению Хоффмана, должны предшествовать дополнительные эмпирические исследования. Перспективы применения институционального подхода к проблеме доверия в межгосударственных отношениях не должны сводиться исключительно к обозначенному А. Хоффманом направлению исследований, а должны основываться на разработанных и чётко прописанных критериях понимания институциональных аспектов доверия. Соответственно, в очередной раз встаёт вопрос о субъектах и носителях доверия в международных отношениях, не проработанный в должной мере американскими исследователями.

Другой погрешностью большинства исследований доверия в англо-американской политологии является игнорирование различий между вступающими во взаимоотношения государствами. Без учёта социально-культурных различий комплексный анализ проблемы доверия в международных, а значит, и в межкультурных отношениях, не возможен в принципе.

Развивая методологические подходы к типологизации доверия в межгосударственных отношениях, Левицкий и Уитхофф отмечают, что процесс построения доверия включает различные «степени» доверия, которые развиваются последовательно. Согласно этой позиции, «доверие по расчёту» — это формируемое доверие; «доверие, основанное на опыте» проистекает из и основывается на продолжительной по времени предсказуемости противоположной стороны. Чем более предсказуемым является поведение каждой стороны, тем положительнее скажется оно на доверии во взаимодействии между субъектами. Непредсказуемое поведение и неожиданные поступки, напротив, способны возыметь крайне неблагоприятное воздействие на состояние доверия между субъектами взаимодействия, независимо от того, понимаются под ними люди, социальные группы, институты или государства в целом. Последняя стадия — «доверие, основанное на идентификации», требует полного сопереживания противоположной стороне⁵⁹.

В среде исследователей остаются открытыми вопросы о том, как удастся порой достаточно

различающимся по истории и культуре государствам налаживать международное сотрудничество, развивать интеграционные процессы на основе взаимного доверия, которые зачастую предполагают добровольный отказ от части суверенитета в тех или иных сферах.

В поиске механизмов и критериев теоретического и практического измерения состояния и уровня доверия в межгосударственных отношениях интерес для исследования представляет подход А. Хоффмана. Он предлагает три критерия для выявления доверительных межгосударственных отношений:

- первый критерий устанавливает связь политического выбора лидеров с их восприятием надёжности контрагентов, предполагает использование данных процесса принятия решений. С одной стороны, данный критерий устанавливает определение того, что является политикой предоставления свободы действий по поводу результатов прежде контролировавшихся самими доверяющими. Согласно А. Хоффману, государства проводят политику предоставления свободы действий, когда они предоставляют своим контрагентам возможность определять политический результат, осуществляя контроль над действиями и процессами, прежде контролировавшимися самим государством, проводящим политику предоставления свободы действий. При этом, контроль понимается как способность принимать и проводить в жизнь решения⁶⁰.

С другой стороны, данный критерий выделяет свидетельства демонстрации лидерами, проводящими политику предоставления свободы действий, уверенности, что их контрагенты заслуживают доверия. Ставятся вопросы преобразования межличностного субъективного доверия политических лидеров в государственную политику. В качестве подобных свидетельств могут выступать собственно заявления лидеров об их мотивах. Однако именно к ним, сделанным в публичной манере, необходимо особенно критическое отношение исследователя. Частные заявления (письма, мемуары) также могут являться свидетельствами использования лидерами в своей деятельности того, что они считали доверием⁶¹.

Хоффман, однако, не проводит чётких разграничений между свидетельствами демонстрировавшегося лидерами доверия в отношении друг друга и показателями их искреннего доверия в межличностных отношениях, а, значит, во многом, и в межгосударственных отношениях. Исследование данных свидетельств в совокупности должно приводить к пониманию комплексного восприятия лидерами своих контрагентов, а не ограничиваться несколькими цитатами о мотивах принятия решений или наличии либо отсутствию доверия. Как отмечает этот исследователь, при создании доверительных отношений лидеры мотивируются не только исключительно собственным восприятием надёжности контрагентов.

Важную роль в мотивации лидеров при развитии доверительных межгосударственных отношений играет обеспокоенность традиционными политическими вопросами (безопасностью и задачами развития государства). Необходимо иметь в виду, что отсутствие со стороны лидеров заявлений о надёжности контрагента не является свидетельством его (контрагента) ненадёжности и само по себе не говорит о недоверии ему. Лидеры могли не найти подходящего момента для выражения доверия друг другу в публичных или частных заявлениях, либо они не видят необходимости в особом подчёркивании своей дружбы или доверия. Интенсивность доверительных межгосударственных отношений можно исследовать через рассмотрение частоты упоминаний, с которой принимающие решения лица ссылаются на доверие другим как мотивацию своего политического выбора⁶²;

— второй критерий устанавливает виды надзорных механизмов, которые государства используют для мониторинга свободы действий, которую они предоставляют друг другу и выявления обманов и нарушений. А. Хоффман выделяет два типа надзорных механизмов для мониторинга свободы действий: до-фактный надзор и пост-фактный надзор. Первый из них включает формы контроля, производимые до осуществления нарушения и отличающиеся большей организованностью, системностью, централизованностью, прямотой и активным характером. Второй включает формы контроля, проводимые после того, как нарушение осуществлено и известны его последствия. Он отличается меньшей организованностью⁶³.

Как до-фактное наблюдение, так и пост-фактное являются эффективными ограничивающими механизмами, но теоретически, как отмечает вслед за Маккуббинсом и Шварцем⁶⁴ Хоффман, имея выбор, акторы предпочитают пост-фактный контроль, так как он менее затратный с финансовой точки зрения и применяется только при необходимости. Как отмечает Хоффман, вопрос заключается не в том, контролируют ли государства поведение друг друга, а в том, какого типа контрольные механизмы применяют акторы. Активная природа до-фактного контроля несёт в себе большой потенциал ограничения свободы действий акторов, нежели пост-фактный контроль. По принципу, где больше свободы действий — там больше доверия, пост-фактный контроль более совместим с доверительными отношениями, нежели до-фактный. При исследовании доверия в межгосударственных отношениях, заявляет Хоффман, следует с особой осторожностью относиться к свидетельствам перемен в типе контрольных механизмов используемых акторами в соглашениях. Так, изменение от до-фактного контроля к пост-фактному, и наоборот, может свидетельствовать о соответствующем изменении уровня доверия в отношениях⁶⁵;

— третий критерий выделяет ограничители в правилах, разрабатываемых акторами в письменных соглашениях, с целью ограничения активности друг друга и структурирования механизмов сотрудничества. Хоффман выделяет два типа соглашений: рамочно-ориентированные соглашения и статут-ориентированные соглашения. Рамочно-ориентированные соглашения содержат, как правило, конститутивные правила. Статут-ориентированные соглашения содержат рестриктивные (ограничительные) правила. Фокус на типах правил, используемых государствами для структурирования межгосударственных соглашений, может помочь в различении договоров, кодифицирующих доверительные отношения, от договоров, учреждающих и упорядочивающих отношения не доверяющих друг другу акторов.

Соглашения, содержащие преимущественно конститутивные, а не ограничительные правила, более совместимы с доверительными отношениями. Однако, если в соглашении присутствуют и конститутивные, и рестриктивные нормы, то они могут быть классифицированы по принципу преобладающих форм. Изменение типа правил в соглашениях от конститутивного к рестриктивному, и наоборот, может также свидетельствовать о соответствующем изменении уровня доверия в отношениях⁶⁶.

Лучший способ выявления и анализа присутствия доверительных межгосударственных отношений — соединение всех трёх видов предложенных критериев в единую многомерную стратегию. Предложенная Хоффманом методология в целом представляет собой одну из наиболее внятно проработанных концепций. Она вполне пригодна, в сочетании с дополнительными методами анализа, для рассмотрения современного межгосударственного взаимодействия, в том числе и в сфере военно-политических отношений.

В конце XX века, под влиянием большинства вышеизложенных теоретико-методологических подходов, а также складывавшейся международно-политической ситуации Н. Уиллером⁶⁷ была поставлена проблема выявления роли доверия в современных межгосударственных военно-политических отношениях. Подобная постановка проблемы повлекла за собой переосмысление концепта «общество безопасности», на этот раз применительно к анализу проблем и перспектив ядерного разоружения на глобальном уровне.

В условиях существования в мире ядерного и других видов оружия массового уничтожения, проблема построения доверительных межгосударственных отношений приобретает крайнюю степень важности и сложности, поскольку издержки от возможности довериться ненадёжному актору могут стоить в этой сфере особенно дорого. Количество государств, обладающих и стремящихся к обладанию ядерным оружием и средствами его доставки, постепенно увеличивается,

а сдерживающие механизмы, заложенные в договоре о нераспространении ядерного оружия, даже при их относительной эффективности, далеко не всегда способны обеспечить дальнейшее нераспространение.

По пути продвижения к ядерному разоружению необходимо кардинальное переосмысление в сфере соответствующих политических инициатив, замена безопасности, основанной на ядерном устрашении, на сообщество безопасности, погружённое в атмосферу доверительных отношений⁶⁸.

Но именно такого рода перемены на современном этапе и представляют собой наибольшую сложность, поскольку, даже декларируя намерения по продвижению к доверительным и дружественным отношениям, лидеры государств часто не стремятся к построению подлинно стабильных отношений доверия и продолжают проводить на практике политику совершенствования ядерного оружия и средств его доставки.

В целом, теоретические подходы к проблеме доверия в межгосударственных военно-политических отношениях представляют собой сложный ансамбль положений как в плане общетеоретического рассмотрения, так и в контексте военно-оборонительной проблематики. Однако исследователями практически не рассматриваются вопросы *спекуляций на доверии в межгосударственных отношениях*, которыми, между тем, довольно часто на практике подменяется реальное взаимодействие и поиск ответов на вызовы и угрозы современного мира на основе взаимного учёта интересов, а порой и прикрываются откровенно враждебные намерения руководств государств в отношении друг друга. Короче, выявление практических проблем построения доверия в современных межгосударственных отношениях по конкретным вопросам военно-политического спектра требует дальнейших исследований.

В целом, обобщая основные результаты рассмотрения теоретических и методологических подходов англо-американской политической науки к исследованию проблемы доверия в межгосударственных отношениях, можно констатировать:

1. Среди учёных не существует общепринятого всеохватывающего и исчерпывающего определения понятия доверия в целом, и доверия в межгосударственных отношениях, в частности. Наилучшим способом идентификации понятия доверия представляется выявление существенных элементов и свойств, которые присущи пониманию доверия, разделяемому основной частью научного сообщества, вовлечённого в исследования проблематики доверия в современных гуманитарных науках;
2. Важный аспект исследования проблемы доверия в межгосударственных отношениях представляет собой различие двух понятий:
 - доверия как потенциальной *готовности* поставить судьбу интересов одного актора под

контроль других, основанное на убеждении, что потенциальные доверяемые будут избегать использования предоставленной им свободы действий, чтобы нанести вред интересам доверяющих. Важную особенность восприятия доверия участвующими в них акторами составляет осознание того, что доверяющий и тот, кому оказывается доверие — одна команда: доверяющие создают доверительные отношения, доверяемые определяют успех реализации доверительных отношений;

- доверительных отношений, определяемых как *актуализацию потенциала доверия* и предоставления доверяющим *на практике* определенной свободы действий доверяемому, основанной на убеждении, что этим интересам не будет причинен вред. Применительно к межгосударственным отношениям оверительность приобретает следующее звучание: доверительные межгосударственные отношения развиваются, когда одно либо несколько государств предоставляют одному либо группе других государств свободу действий касательно сферы их собственных интересов, что основывается на убеждении, что этим интересам не будет причинен вред;
- 3. Методологической проблемой остается выработка критериев для измерения и оценки интенсивности и динамики доверия и доверительных отношений. Вывод из этого может быть только один — о необходимости разработки системы косвенных критериев оценки доверия в межгосударственных отношениях и доверительных межгосударственных отношений;
- 4. Среди теоретико-методологических подходов к исследованию проблемы доверия в межгосударственных отношениях отсутствуют работы, в которых были бы комплексно рассмотрены особенности структуры доверия в межгосударственных отношениях;
- 5. Проблема доверия в межгосударственных отношениях рассматривается исследователями, как правило, в отрыве от контекста реальных ситуаций практического взаимодействия по конкретным проблемам и на определённых этапах. Требуется в этой связи рассмотрения проблема предсказуемости поведения акторов и роли доверия либо недоверия как фактора подобной предсказуемости.

Summary: *In the scientific literature the trust is considered as a philosophical category; as a social phenomenon; as a phenomenon and a factor of interpersonal, intergroup, and also political, international and interstate relations. The purpose of the article is a survey of theoretical and methodological approaches of Anglo-American political thought to a trust problem in interstate relations.*

<i>Ключевые слова</i>	<i>Keywords</i>
доверие, межгосударственные отношения, политология, теория международных отношений, международное сотрудничество, разрешение конфликтов, процесс построения доверия	trust, interstate relations, political science, international relations theory, international cooperation, conflicts resolution, trust-building process

Примечания

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского /Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 201.
2. Гоббс Т. Указ. соч. С. 196.
3. Локк Дж. «Опыт о человеческом разумении» / Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1985. С. 141.
4. Локк Дж. «О распаде системы правления» / Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 404.
5. См.: Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. 562 p.
6. См.: Dessler D. What's At Stake in the Agent-Structure Debate // International Organization. 1989. Vol. 43. №3. P. 441-473.
Kegley Ch.W. Jr., Raymond G.A. When Trust Breaks Down. Columbia: University of South Carolina Press, 1990.
7. См.: Snijders Ch. Trust and Commitments. Amsterdam: Thesis Publishers, 1996.
8. См.: Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 980p.
Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: Free Press, 1995. 460 p.
Hardin R. Trust in Government // Trust and Governance / ed. by V. Braithwaite, M. Levi. New York: Russell Sage Foundation, 1998. P. 9-27.
Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42. P. 427-460.
9. См.: Bianco W. Trust: Representatives and Constituents. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 232 p.
Felsenthal D., Maoz Z. Self-Binding Commitments, the Inducement of Trust, Social Choice, and the Theory of International Cooperation // International Studies Quarterly. 1987. Vol. 31. P. 177-200.
10. См.: Snidal D. Coordination Versus Prisoners Dilemma: Implications for International Cooperation and Regimes // American Political Science Review 1985. Vol. 79. №4. P. 923-942.
Stein A. Coordination and Collaboration: Regimes in an Anarchic World // International Regimes /ed. by S.D. Krasner. Ithaca: Cornell University Press, 1984. P. 115-140.
11. Hoffman A.M. A Conceptualization of Trust in International Relations // European Journal of International Relations. 2002. Vol. 8. №3. P. 375-401.
12. Baier A. Trust and Antitrust // Ethics. 1986. Vol. 96. №2. P. 231-260.
13. Brenkert G. Trust, Morality, and International Business // Trust Within and Between Organizations: Conceptual Issues and Empirical Applications / ed. by Ch. Lane, R. Bachmann. New York: Oxford University Press, 1998. P. 273-297.
14. Gambetta D. Can We Trust Trust? // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / ed. by D. Gambetta. — New York: Basil Blackwell, 1988. P. 213-237.
15. Govier T. Social Trust and Human Communities. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1997. 304 p.
16. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. 1990.
17. Larson D.W. Anatomy of Mistrust. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 329 p.
18. Luhmann N. Trust and Power. New York: John Wiley, 1979.
19. Hardin R. The Street-Level Epistemology of Trust // Politics and Society. 1993. Vol. 21. № 4. P. 505-529.
20. Snijders Ch. Trust and Commitments. 1996.
21. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. 1990.
22. Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. 1988.
Putnam R. Bowling Alone: The Collpase and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000. 541 p.
23. Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. 1995.
24. Hardin R. Trust in Government. 1998.
25. Bianco W. Trust: Representatives and Constituents. 1994.
26. Kydd A.H. Trust and Mistrust in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 2005. 388p.
27. Felsenthal D., Maoz Z. Self-Binding Commitments, the Inducement of Trust, Social Choice, and the Theory of International Cooperation. 1987.
28. Snidal D. Coordination Versus Prisoners Dilemma: Implications for International Cooperation and Regimes. 1985.
29. Hardin R. Conceptions and Explanations of Trust // Trust in Society / ed. by K.S. Cook. New York: Russell Sage Foundation, 2001. P. 3-39.
30. Stein A. Coordination and Collaboration: Regimes in an Anarchic World // International Regimes /ed. by S.D. Krasner. Ithaca: Cornell University Press, 1984. P. 115-140.
31. Hoffman A.M. A Conceptualization of Trust in International Relations. P. 376-378.
32. См.: Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. 1963.
33. См.: Dessler D. What's At Stake in the Agent-Structure Debate. 1989.

- Kegley Ch.W. Jr., Raymond G.A. *When Trust Breaks Down*. 1990.
34. См.: Wheeler N.J. Nuclear Abolition: Trust-Building's Greatest Challenge? [Electronic resource] / International Commission on Nuclear Non-proliferation and Disarmament. 30 September 2009. — p. 21. — URL: http://www.icnnd.org/research/Wheeler_Trust_Final.pdf
35. См.: Feis H. *From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945–1950*. Publisher: Norton, 1970. 428 p.
36. См.: Larson D. *Trust and Missed Opportunities in International Relations*. Blackwell Publishing.: *Political Psychology*, 1997. Vol. 18. №3. P. 701–734.
- Lebow R.N., Stein J.G. *We All Lost the Cold War*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 566 p.
37. Snyder G. *Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security*. Princeton.: Princeton University Press, 1961.
38. George A. Smoke R. *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*. N.Y.: Columbia University Press, 1974.
39. Schelling T. *Arms and Influence*. Yale University Press, 1966. 293 p.
40. См.: Feis H. *From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945–1950*. 1970.
41. См.: Kolko G., Kolko J. *The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy 1945–1954*. Harper & Row, 1972.
42. Джон Герц явился основателем концепта «дилемма безопасности», имеющим непосредственное отношение к исследованию проблемы доверия и построения доверительных межгосударственных отношений применительно к военно-политической проблематике в теории международных отношений. См.: Herz J.H. *International Politics and the Nuclear Dilemma // The Nation-State and the Crisis of World Politics* / ed. by J.H. Herz. New York: David McKay, 1976. P. 137.
43. См.: Collins A. *The Security Dilemma and the End of the Cold War*. New York: St. Martin's, 1997.
- Gaddis J.L. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy*. 1982.
- Larson D. *Trust and Missed Opportunities in International Relations*. 1997.
- Lebow R.N. & Stein J.G. *We All Lost the Cold War*. 1994.
44. Larson D. *Trust and Missed Opportunities in International Relations*. 1997.
45. Kydd A.H. *Trust and Mistrust in International Relations*. Princeton: Princeton University Press. 2005. p. 3.
46. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. 562 p.
47. См.: Collins A. *The Security Dilemma and the End of the Cold War*. 1997.
- Feis H. *From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945–1950*. 1970.
- Gaddis J.L. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy*. 1982.
- Hardin R. *Conceptions and Explanations of Trust // Trust in Society* / ed. By K.S. Cook. New York: Russell Sage Foundation, 2001. P. 3–39.
- Larson D. *Trust and Missed Opportunities in International Relations*. 1997.
- Lebow R.N., Stein J.G. *We All Lost the Cold War*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 566 p.
48. Hardin R. *Conceptions and Explanations of Trust*. 2001.
49. Adler E., Barnett M. *A Framework for the Study of Security Communities*. Cambridge.: Cambridge University Press, 1998.
50. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
51. См.: Kelman H.C. Building trust among enemies: The central challenge for international conflict resolution // *International Journal of International Relations*. 2005. № 29. P. 639–650.
52. Kelman H.C. Building trust among enemies: The central challenge for international conflict resolution. P. 640.
53. Kelman H.C. *Ibid*. P. 641.
54. См.: Putnam R. *Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games*. 1988.
- Lewicki R.J., Wiethoff C. Trust, Trust Development, and Trust Repair. In *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* / ed. by M. Deutsch and P.T. Coleman. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2000. P. 86–107.
55. Политология: учебник / Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; ред. А.Ю. Мельвиль. М.: Проспект. 2008. С. 566.
56. Putnam R. *Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games*. 1988.
57. Hoffman A.M. The Structural Causes of Trusting Relationships: Why Rivals Do Not Overcome Suspicion Step by Step // *Political Science Quarterly*. 2007. Vol. 122. №2. P. 287.
58. Hoffman A.M. *Ibid*. P. 287.
59. Lewicki R.J., Wiethoff C. Trust, Trust Development, and Trust Repair. In *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. 2000.
60. Hoffman A.M. A Conceptualization of Trust in International Relations // *European Journal of International Relations*. 2002. Vol. 8. №3. P. 385.
61. Hoffman A.M. *Ibid*. P. 387.
62. Hoffman A.M. *Ibid*. P. 387.
63. Hoffman A.M. *Ibid*. P. 388.
64. McCubbins M.D., Schwartz T. Congressional Oversight Overlooked: Police Patrols Versus Fire Alarms // *American Journal of Political Science*. 1984. Vol. 28. №1. P. 165–179.
65. Hoffman A.M. A Conceptualization of Trust in International Relations. P. 390.
66. Hoffman A.M. *Ibid*. P. 391.
67. Wheeler N.J. Nuclear Abolition: Trust-Building's Greatest Challenge? P. 21.
68. Wheeler N.J. *Ibid*. P. 21.

Эволюция подходов к энергетической безопасности: страны-импортеры против стран-экспортеров

К.В. Трачук

Статья посвящена эволюции подходов к энергетической безопасности — начиная с момента утверждения нефти в качестве ключевого источника энергии индустриального мира и до наших дней. Проведенный анализ показывает, что победителями в этой сложной геополитической борьбе оказались страны-потребители. Страны-экспортеры, одержав тактическую победу после введения нефтяного эмбарго 1973 года, не смогли в долгосрочной перспективе сохранить контроль над ценообразованием и рынками сбыта. Автор статьи детально рассматривает особенности геополитического контекста, повлиявшего на формирование подходов обеих групп игроков, а также причины успеха концепций стран-импортеров. Статья также затрагивает перспективы развития концепций энергобезопасности на современном этапе, ставящем как перед импортерами, так и экспортерами новые вызовы глобального характера.

В современной научной литературе и политическом дискурсе принято рассматривать «энергетическую безопасность» как глобальное понятие, объединяющее и поставщиков, и потребителей энергоресурсов¹. Недавнее подтверждение тому — экологический кризис, вызванный разливом нефти в Мексиканском заливе. Он поставил под удар не только репутацию BP, но и повлек за собой серьезные экономические и политические последствия, вызвав озабоченность далеко за пределами США. Показательно, что в этой ситуации президент России Д.А. Медведев, отметив международный масштаб проблемы, выступил с предложением создать специальный международный фонд для страхования подобных рисков².

Глобальный характер понятию «энергетической безопасности» придает не только экологический фактор. Среди других аспектов, объединяющих всех участников рынка, — проблема безопасности инфраструктуры; истощение крупных месторождений и недостаток инвестиций в энергетической сфере; растущая виртуализация рынков сырья за счет развития «фьючерсных»

контрактов и других подобных финансовых инструментов; необходимость доступа к новым технологиям; безопасность транзита энергопоставок.

Тем не менее, эти риски, актуальные и для экспортеров, и для импортеров энергоресурсов, не отменяют кардинального различия интересов двух групп игроков, остающегося актуальным и по сей день. Истоки этих глубинных противоречий — в эволюции самого понятия «энергетической безопасности», сложившегося в условиях жесточайшего соперничества поставщиков и потребителей. В истории становления концепций «энергетической безопасности» — ключ к пониманию современных подходов, расстановки сил в мировой энергетической сфере и мотивации различных групп игроков.

Формирование подходов к обеспечению «энергетической безопасности» можно проследить, условно выделив несколько ключевых этапов. Для каждого из них характерна определенная модель взаимоотношений поставщиков и потребителей энергоресурсов и особый геополитический контекст. Первый этап — с момента утверждения нефти в качестве основного

Трачук Ксения Витальевна — соискатель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: Ksana_tr @ inbox.ru